

№ 4

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. ВЕРЕМЯНЪ ГР.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяеская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Исторія одной статуэткѣ. Гра—ни
 Иды Каннисть. — II. Отрокъ. (Стих.). С. Дрож-
 жина. — III. Эдиссонъ. Е. Григоровой. — IV. Телефонъ.
 Петра Волчанскаго.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СТА-
ТУЭТКИ.

Фантастическій разсказъ.

ВЪ ОДИНЪ зимній вечеръ въ Италиі, сидѣла я одна въ моей большой мраморной залѣ. Сильный вѣтеръ шумѣлъ и завывалъ, проходя въ щелки оконъ и дверей, на дворѣ едва можно было стоять на ногахъ. Въ залѣ совсѣмъ потемнѣло, пламя камина бросало фантастическую тѣнь на стѣны и на мозаичный полъ. На каминѣ стояло

много фарфоровыхъ и стекляныхъ бездѣлушекъ и статуэтокъ, и между ними бѣлаго мрамора статуэтка, которую мнѣ подарила одна знакомая дама. Эта статуэтка изображала юношу, держащаго въ рукѣ букетъ нарцисовъ. Поза его была граціозна и привлекательна, лицо — великолѣпное. Я была одна, скучала и сказала вслухъ. „Ахъ какъ мнѣ скучно!“, вдругъ звонко серебристый голосокъ отвѣтилъ: „я тебя развеселю, расскажу что-то преинтересное.“ — „Кто это говоритъ?“ спросила я, „Посмотри—увидишь“. Голосъ слышался, какъ мнѣ казалось, съ камина. Въ самомъ дѣлѣ я замѣтила, что губки мраморной статуэтки двигаются.

— Это говорю я—твоя статуэтка, сказалъ тотъ же голосъ, сними меня съ камина и слушай, что я расскажу тебѣ.

Я взяла статуэтку, поставила ее передъ собой, и вотъ что она рассказала мнѣ:

— Не думай, что я всю жизнь былъ статуей, нѣтъ, прежде я былъ цвѣткомъ. Я росъ въ лѣсу, недалеко отъ Пизы. Лѣсъ этотъ былъ прелестенъ во всѣ времена года и походилъ болѣе на рощу. Когда весна осыпала природу цвѣтами, лѣсъ нашъ становился чѣмъ-то волшебнымъ, мирты простирали къ небу опущенныя юною зеленью вѣтки. Апельсинныя деревья, осыпанныя бѣлыми цвѣточками, разливали свой упоительный запахъ и готовились золотить на солнцѣ свои будущіе плоды; гранатовыя деревья покрывались пурпуровыми звѣздочками; душистые кусты розановъ дышали ароматомъ; въ цвѣтущихъ маслинахъ пѣли соловьи. Все жило, все радовалось жизни. Тамъ и сямъ катились ручейки и журча по камешкамъ какъ бы разговаривали съ цвѣтами. А цвѣты! какъ граціозно они качали своими головками, какъ открывали свои чашечки, съ какимъ наслажденіемъ пили солнечные лучи! Весна ихъ жизнь!

Меня звали нарцисомъ, рядомъ со мною въ первый разъ цвѣла Эглантина *) она полюбила меня и во всемъ выражала свою безграничную преданность. Ночью, когда эльфы—

*) Шиповникъ.

живая душа цвѣтовъ—выдѣляются каждый изъ своего цвѣтка, летаютъ и танцуютъ, Эглантина не разставалась со мной и самоотверженно исполняла всѣ мои желанія. Я пользовался ея преданностью, но дѣлалъ только то, что мнѣ самому было пріятно и жилъ только для себя.

Разъ было объявлено, что у бабочекъ дается большое представленіе. Я не позаботился взять себѣ билетъ, Эглантина, думая, что я не расположенъ смотрѣть спектакль, взяла билетъ только для одной себя. Когда насталъ вечеръ, Эглантина склонилась къ ручейку, причесалась и очень мило одѣлась. „Зачѣмъ ты такъ наряжаешься?“ спросилъ я ее. „Развѣ ты не знаешь, я иду на представленіе къ бабочкамъ!“ отвѣтила Эглантина. „На какое представленіе?“— „Какъ и этого не знаешь? Бабочки даютъ спектакль цвѣтамъ и всѣмъ намъ роздали билеты.“— „А безъ билета нельзя идти?“— „Нельзя“. „Что мнѣ дѣлать, у меня нѣтъ билета!“— „Что тебѣ дѣлать! очень просто: возьми мой билетъ, — сказала съ улыбкой Эглантина.— „Нѣтъ, не хочу лишить тебя удовольствія“.—Возьми пожалуйста, безъ тебя этотъ спектакль мнѣ недоставитъ радости. Сказавши это, она отдала мнѣ свой билетъ. „Только не забудь, прибавила она, передать мой поклонъ фіалкѣ“. Я былъ тронутъ, поблагодарилъ эглантину и пошелъ въ театръ къ бабочкамъ. Блескъ, шумъ аплодисментовъ, этотъ неудержимый восторгъ, который овладѣваетъ вами при видѣ чудной пьесы и аккорды геніальной музыки, все это ослѣпило меня, и я позабылъ объ эглантинѣ. Когда я возвратился домой, она спросила меня: передалъ ли я отъ нее поклонъ фіалкѣ; я отвѣтилъ, что позабылъ, и что же? Она обняла меня и сказала: „я понимаю, среди веселья, можно позабыть даже и грусть“. Какъ могла понимать это Эглантина, она, которая всегда забывала себя для другихъ!

Эглантина.

Кромѣ Эглантины, все растенія въ лѣсу были ко мнѣ снисходительны. Около насъ стояла высокая, стройная пинна. Она видѣла мой эгоизмъ и мое равнодушіе къ Эглантинѣ и

Пинна.

говорила: ты не достоинъ дружбы этой милой дикой розы. Сердце твое точно камень. Я сердился и не слушалъ ее.

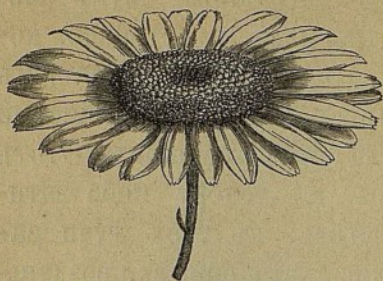
Но нѣтъ небесъ, на которыя не набѣгали бы громовыя тучи; глубокий, тихій сонъ котораго никогда бы не прерывался; нѣтъ моря, которое бы никогда не бушевало, не пѣнилось, не кипѣло.

серебряной пѣной. Нѣтъ и жизни безъ тучъ и бурь. Пришелъ цвѣтушій май. Разъ утромъ солнце взошло безъ лучей; голубое небо превратилось въ свинцовую массу. Воздухъ становился все душнѣе и душнѣе. Вдругъ страшный шумъ раздался по окрестностямъ; деревья дрогнули и застонали, подулъ палящій сирокко. Боже мой! что дѣлалось въ нашемъ лѣсу. Бѣлые цвѣты деревьевъ сыпались, точно душистый снѣгъ. Даже гордая пинна склоняла свою вершину! Этотъ ужасный вѣтеръ длился цѣлый день. Къ вечеру небо затянулось тучами и полилъ ливнемъ дождь; къ утру тучи разошлись, только тамъ и сямъ виднѣлись какъ обрывки воздушнаго занавѣса. Солнце проглянуло. Въ минуту мириады лучей пронизали легкую прозрачную атмосферу и облили всю картину золотисто-розовымъ свѣтомъ. При радостныхъ лучахъ, какъ будто еще замѣтнѣе стало опустошеніе нашего лѣса. Когда я взглянулъ на Эглантину... головка ея поникла на сломанномъ стебелькѣ. Я былъ въ отчаяніи, „о эглантина!“ говорилъ я рыдая, ты завянешь! нельзя ли мнѣ поддержать тебя! И склонился къ ней; она слабо приподняла свою головку и опустила ее на мою чашечку. Я сталъ ее поддерживать.

Прошло нѣсколько дней. Лѣсъ поправился: на деревьяхъ распустились новые цвѣты, трава зазеленѣла и покрылась цвѣтами, все пришло въ порядокъ. Цвѣты скоро забываютъ свои несчастія. И вотъ мы узнаемъ, что наша царица цвѣтовъ Флора устраиваетъ балъ, въ своемъ прекрасномъ замкѣ. Сердце мое сильно забилося: я страстно любилъ балы, но вспомнилъ Эглантину и рѣшился остаться съ ней. Бѣдная Эглантина! Кто бы узналъ въ сломанномъ увядшемъ цвѣткѣ граціозную розу, которой она была нѣсколько дней тому назадъ! Силы покинули ее до того, что она даже не могла превращаться ночью въ эльфа и чуть дышала...

Всѣ цвѣты готовились къ балу. Красавица анемона примѣряла свое пурпурное платье; незабудка украшалась голубыми перлами; маленькая маргаритка надѣвала бѣлыя юбочки

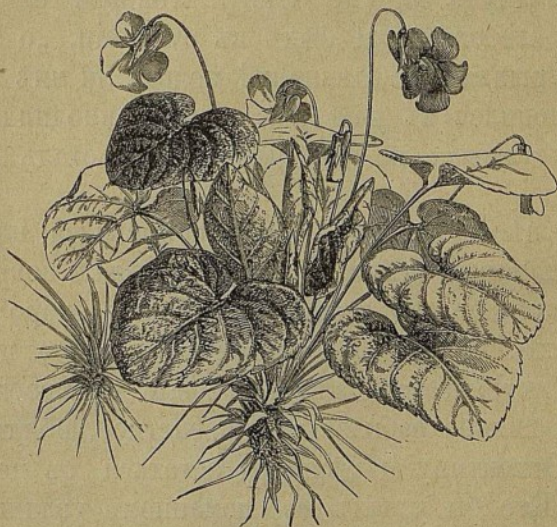
съ коралловыми каемками; даже фіалка наряжалась въ душистые уборы, а сверчки и кузнечики, танцовщики кордебалета, пѣлые дни въ тактъ выдѣлывали разные па.

Маргаритка.

Наконецъ, наступилъ этотъ ожидаемый день. Грустно мнѣ было оставаться дома, но какъ оставить безъ поддержки Эглантину? — она сейчасъ завянетъ. Наступилъ и вечеръ. При волшебномъ освѣщеніи закатывающагося солнца, цвѣты сѣли въ золотыя колесницы и съ пѣ-

снями и криками радости поѣхали во дворецъ Флоры. „А ты отчего не ѣдешь?“ — спрашивали они меня, — „можетъ ты думаешь, что твое душистое бѣлоснѣжное платье не довольно

Фіалка.

красиво или не хороша золотая коронка?“ и отходили пожимая плечами. Бабочки, особенно же осы, подлетая ко мнѣ жужжали: „Поѣзжай же, поѣзжай скорѣй!“ — Не покидай меня, говорила Эглантина слабымъ голосомъ: „я умру — не покидай

меня!“—Я остался, послѣдніе лучи солнца уже погасали одни за другими; вдругъ раздался громкій хохоть, я обернулся и увидѣлъ хитрую фуксію и ночную красавицу.—Какъ! ты остаешься, смѣшно, вздоръ какой! Балъ—восторгъ, прелесть, говорили онѣ, и до того завертѣли и завлекли меня, что я не могъ долѣе противиться имъ и своему желанію и не обращающаго вниманія на умоляющій голосъ Эглантины—уѣхалъ.

Всю дорогу фуксія и ночная красота смѣшили меня наперерывъ. Вотъ мы уже близъ ручейка. Вотъ и скала, а на ней, блистая и сверкая множествомъ разноцвѣтныхъ камней, стоитъ волшебный замокъ. „Ахъ, какъ прекрасно!“ — воскликнулъ я. „Увидишь еще лучше“ — сказала хорошенькая фуксія.

Когда мы вошли во дворецъ, когда я слышалъ веселые аккорды инструментовъ и звучные голоса цвѣтовъ, когда увидѣлъ пеструю толпу гостей, я будто оцѣпѣлъ отъ восторга. Блестящіе залы, горящіе люстры, разноцвѣтные огни, сіяніе, блескъ—все ослѣпило меня, зеркальные полы отражали мою граціозную фигуру. Какъ красиво было мое бѣлое платье и золотой вѣнокъ, какъ весело я танцевалъ! Цвѣты кружились и каждый цвѣтокъ по своему. Душистый горошекъ и вьюнокъ извивались до того, что точно хотѣли исчезнуть. Фіалка порхала какъ бабочка. Сирень граціозно двигалась. Фуксія и ночная красота шалили, но танцевали лучше всѣхъ. Тутъ были всѣ подданные Флоры (конечно кромѣ лилій и капуциновъ, они никогда не присутствуютъ на балахъ). Явилась даже и крапива со своими зубчатыми темно-зелеными листьями и свѣтло-лиловыми цвѣточками, но несмотря на то, что она была не дурна собой, никто не рѣшился къ ней подойти, знали что она жжется.

Вдругъ все утихло; въ залу вбѣжали церемонимейстеры, зеленые саламандры, и объявили, что идетъ Флора. Всѣ цвѣты размѣстились вокругъ залы. Двери растворились и вошла наша блестящая, всевѣдущая царица цвѣтовъ—прекрасная Флора, окруженная фрейлинами, юными розами. Ца-

рица сѣла на сверкающій тронъ, а граціозныя малютки, бутончики розъ, стали танцовать передъ нею прелестный балетъ. Когда они кончили,—сверчки и кузнечики представили пантомину. По правую сторону Флоры сидѣла дивная юная роза. Ея глаза сіяли какъ звѣздки во мракѣ ночи, золотистые волосы падали на розоватыя плечи. Я никого не видалъ кромѣ нее; она мнѣ улыбнулась. „Кто эта красавица?“—спросилъ я, у саламандры. „Это перла-роза“,—отвѣтила она, „самая прелестная фрейлина нашего двора“.

Вьюнокъ.

Когда танцы окончились, Флора прошла между цвѣтами, каждому сказала что нибудь пріятное, улыбалась, ласкала, когда же подошла ко мнѣ, то серьезно на меня посмотрѣла и сказала, какъ бы про себя: „Ты будешь наказанъ!“ Я не обратилъ на это вниманія, я былъ занятъ перла-розой. Когда эта красавица проходила мимо меня, то сорвала бутончикъ, который цвѣлъ на ея груди, и бросила его мнѣ. Я поднялъ бутончикъ и съ упоеньемъ любовался имъ. Посмотрѣвъ немного танцы, Флора удалилась съ своей свитой. Я не слышалъ ни серебристаго звона колокольчиковъ ландыша ни кроткаго голоса фіалки. Не видѣлъ, какъ мило танцовали иванъ-да-марья, поденѣжники и примавера, какъ качались, танцуя баркароллу, голубой ирисъ и водяная

стрѣлка, вездѣ мнѣ представлялась перла-роза, ея грація, блескъ, ея прекрасный розовый взоръ. Балъ приходилъ къ концу; зажигалась заря, цвѣты расходились. Я также вышелъ изъ дворца, спустился со скалы къ ручейку, надъ которымъ скло-

нилась плакучая ива, чтобы освѣжиться въ его струяхъ. Среди береговъ, усѣянныхъ незабудками и репейникомъ, улыбнулся мнѣ изъ воды мой собственный образъ. Кругомъ цвѣли ароматныя деревья, въ густыхъ листьяхъ пѣли утреннюю пѣснь птицы, на скалѣ сіялъ драгоценными камнями дворецъ; я засмотрѣлся на свою красоту и все забылъ кромѣ себя, жилъ

Плакучая ива.

только собою и для себя — и не замѣтилъ даже знака поданнаго мнѣ перла-розой. Для меня не было ни времени ни цвѣтовъ, долго ли продолжалось такое состояніе не знаю, какъ мало по малу свѣтъ сталъ темнѣть въ глазахъ моихъ, всѣ предметы и самый образъ мой исчезали и скрылись. Я облился слезами.

Прощайте темно-лазурныя небеса, прощайте сіяющія звѣзды! Прощай ручеекъ и улыбавшійся мнѣ образъ. Я чувствовалъ, что не теряя сознанія каменью. Мало по малу началъ я успокаиваться, вспомнилъ о перла-розѣ, и только что воскликнулъ: „Нѣтъ, кромѣ нарциса не видалъ цвѣтка прелестнѣе ее, какъ слышался тихій голосъ, онъ говорилъ: ты забылъ преданную тебѣ душу, забылъ все кромѣ себя, твой эгоизмъ убилъ Эглантину. Тутъ я все понялъ, хотѣлъ сказать:—за тебя Эглантина, за мой эгоизмъ я наказанъ, но голоса у меня уже небыло, хотѣлъ подняться отъ воды и не могъ сдѣлать движенія, только слухъ у меня былъ не отнять. Тотъ же голосъ продолжалъ: „Ты любишь только себя, свои удовольствія, ты холоденъ какъ мраморъ—кускомъ мрамора и останешься до тѣхъ поръ пока рука гениальнаго художника не возродитъ тебя къ жизни въ другомъ образѣ.

Сколько времени лежалъ я надъ ручьемъ въ видѣ камня—не знаю. Какъ разъ услышалъ на берегу ручья пріятный юный голосъ, онъ пѣлъ и вдругъ увидавши меня воскликнулъ:

— Ахъ, какой прекрасный кусокъ мрамора и рассматривая меня сказалъ, вотъ странность, на немъ отпечатокъ нарциса, неужели оттого, что вблизи его цвѣтутъ кусты этихъ красавцевъ, о которыхъ говорятъ, что они гибнутъ отъ любви къ самимъ себѣ. Этотъ юноша былъ скульпторъ; онъ поднималъ меня и отнесъ въ свою мастерскую, тамъ, подъ его волшебнымъ рѣзцомъ, я возродился въ этотъ видъ, въ которомъ ты меня теперь видишь, съ букетомъ въ рукахъ мраморныхъ нарцисовъ, чѣмъ я былъ въ мірѣ цвѣтовъ; голосъ мнѣ возвратился; мраморъ издаетъ звукъ, но живое сердце цвѣтовъ уже не бьется въ немъ.

Гр—ня Ида Жапнисть.

О Т Р О К Ъ.

Легенда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ПРИПОМНИМЪ, братцы, старину,
Легенду я слыхалъ одну,—
Ее рассказывалъ мнѣ дѣдъ,
Старикъ осьмидесяти лѣтъ.

Въ избушкѣ зимнею порой,
Качая дряхлой головой
Съ улыбкой дѣтскою лица
Когда лучина отъ свѣтца
Вокругъ бросала тусклый свѣтъ
И отражалась на стеклѣ,
Я слушалъ дѣдушкинъ рассказъ
И несмыкалъ усталыхъ глазъ.
Теперь на кладбищѣ въ селѣ,
Давно онъ спитъ въ сырой землѣ,
Подъ сѣнью камня и креста,
На вѣкъ сомкнуты уста
Хранять молчанія печать...
И я рѣшился записать
Его слова, чтобъ передать
Въ немногомъ рядѣ звучныхъ строфъ
Родную былъ минувшихъ дней
Великой родины моей.

* * *

У самыхъ волжскихъ береговъ
 На возвышенъи, и теперь—
 Стоитъ нашъ древній городъ Тверь.
 Давно когда-то, здѣсь княжилъ
 Внукъ Александра *) Михаилъ **)
 Правитель добрый и прямой,
 Былъ русскій тѣломъ и душой,
 Отецъ народа, и народъ—
 Престола княжого оплотъ—
 Его любилъ и былъ готовъ
 Всегда идти на первый зовъ,—
 Въ защиту Руси на враговъ.
 Тогда татары во главѣ
 Узбека, ***) Твери и Москвѣ
 Грозили частою войной,
 И много лѣтъ нашъ край родной
 Татаринъ кровью обагралъ
 Невинныхъ жертвъ и наступалъ
 Съ ожесточенною ордой
 Изъ заневѣдомыхъ степенъ
 Во глубь Россіи молодой;
 Онъ шелъ какъ страшный ураганъ,—
 Въ полонъ бралъ старцевъ и дѣтей,
 И увлекалъ въ свой вражій станъ
 Прекрасныхъ дѣвъ и матерей.
 Всѣхъ дикой силѣ покорялъ,
 У некорпорныхъ сожигалъ
 Дома и грабилъ города,
 На Волгѣ строилъ и гонялъ
 Съ товаромъ къ Каспію суда.
 Князья-же дань ему несли
 Со всѣхъ концовъ родной земли.

II.

Была весна: катились съ горъ
 Ручьи, и сырѣ—дремучій боръ

*) Невскаго, причисленнаго къ лику святыхъ, въ честь котораго построенъ въ Петербургѣ монастырь.

**) Ярославичъ, прозванный по мѣсту его княженія тверскимъ.

***) Узбекъ, ханъ татарскій, которому русскіе князья платили дань.

Гудѣль въ сіяньи чудномъ дня,
И птички, въ воздухѣ звеня,
Свершали быстрый свой полетъ,
Какъ будто тѣшили народъ,
Въ години тягостныхъ невгодъ,—
И говорили: мы вольны,
Съ приходомъ радостнымъ весны
Слетѣлись къ вамъ изъ-за морей,
Чтобъ громкой пѣсней своей
Васъ пробудить на вольный трудъ
И жизнь свободную... Пройдутъ
Года неволи вѣковой,
Татаринъ съ бритой головой
Не будетъ больше устрашать
Народа русскаго,—и рать
Его разсѣется какъ дымъ,
И лишь порой родная мать
Какъ колыбель начнетъ качать,
Склонясь надъ дѣтищемъ своимъ,
Тоскливо будетъ напѣвать:

„Ой баю, баю,
Дитя милое,
Успокойся ты
Неразумное.

С. Дрожжинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЭДИССОНЪ.

ПОСЛѢДНЕЕ время ученые все больше и больше поражаютъ удивительными изобрѣтеніями и открытіями. Кто не знаетъ о телефонѣ, посредствомъ котораго можно говорить другъ съ другомъ на разстояніи многихъ верстъ по какой-то проволоцѣ, объ электрическомъ свѣтѣ, не уступающемъ солнечному, и о многихъ другихъ необычайныхъ явленіяхъ.

Въ числѣ этихъ замѣчательныхъ людей настоящаго времени, Эдиссонъ занимаетъ одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ.

Какъ большинство извѣстныхъ изобрѣтателей, Эдиссонъ вышелъ изъ небогатаго и незнатнаго класса людей. Его отецъ, родомъ голландецъ, былъ попеременно: портнымъ, садовникомъ, мелкимъ торговцемъ, маклеромъ и до семи-десяти-шести лѣтъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ,—это было единственное наслѣдство доставшееся Эдиссону отъ отца и двухъ дѣдовъ, достигшихъ въ настоящее время сто-лѣтняго возраста.

10-го февраля 1847 г., въ Миланѣ, штатъ Огайо, родился Томасъ-Альва Эдиссонъ, нынѣшній извѣстный изобрѣтатель. Вскорѣ послѣ появленія на свѣтъ этого ребенка, родители его переселились на жительство въ непривлека-

тельную деревушку, Портъ-Гуронъ, въ Мичиганѣ. Тамъ и протекло дѣтство Эдиссона.

Мать Эдиссона, уроженка штата Массачузетъ, была женщина образованная, какъ большинство американокъ она завѣдывала до своего замужества начальной школой. Сынъ единственно ей былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Въ школѣ онъ пробылъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Въ дѣтствѣ Эдиссонъ былъ застѣнчивъ, несообщителенъ, удалялся общества и страстно любилъ чтеніе. Нерѣдко родители, замѣтивъ что онъ исчезъ, розыскивали его по отдаленнымъ мѣстностямъ деревни, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ дома, забившись въ какой нибудь укромный уголокъ, съ книгой въ рукахъ, добытой имъ неизвѣстно гдѣ и откуда. Онъ читалъ безразлично все, что попадало ему подъ руку: научныя и историческія сочиненія, путешествія и беллетристическіе рассказы.

— Десяти лѣтъ—говорилъ онъ недавно одному изъ своихъ друзей—я прочелъ исторію Англіи Юма, исторію Рима Гиббона, нѣсколько выпусковъ энциклопедіи и нѣсколько сочиненій по химіи, сильно заинтересовавшей меня и имѣвшей огромное значеніе въ моей дальнѣйшей судьбѣ.

Несмотря на все это, Эдиссонъ казался обыкновеннымъ ребенкомъ, въ которомъ никто не подозрѣвалъ тѣхъ необычайныхъ способностей и той силы ума, которыя онъ проявилъ впослѣдствіи. Такъ какъ родители его были бѣдны, а по понятіямъ американцевъ, каждый членъ недостаточной семьи, едва поднявшійся на ноги, долженъ зарабатывать собственными силами насущный кусокъ хлѣба, то отецъ сказалъ однажды Эдиссону:

— Тебѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, ты здоровъ и крѣпокъ, до сихъ поръ я кормилъ тебя, теперь ты можешь обходиться и безъ моей помощи. Я доставлю тебѣ возможность сдѣлаться продавцемъ газетъ на поѣздахъ желѣзнодорожной линіи Канады и центрального Мичигана, дамъ все необходимое и болѣе ничего не требуй отъ меня.

— Хорошо, — отвѣчалъ Эдиссонъ, онъ находилъ, что отецъ вполнѣ правъ и что всякій американецъ долженъ съ юныхъ лѣтъ умѣть обходиться безъ посторонней помощи.

Американскіе вагоны очень высоки, обширны и освѣщены по ночамъ газомъ; въ серединѣ широкаго прохода устроенъ бассейнъ съ холодной водой, по сторонамъ расположены сидѣнья, что даетъ путешественникамъ возможность переходить съ мѣста на мѣсто и устраивать, съ помощью находящихся въ стѣнѣ каждаго вагона рамъ, удобныя постели. Среди вагоновъ проходятъ непрерывно желѣзнодорожные служащіе, они выслушиваютъ малѣйшую жалобу, восстанавливаютъ нарушенные тишину и порядокъ, даютъ желаемое указаніе; кромѣ служащихъ снуютъ мальчики отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, они продаютъ газеты, иллюстрированные журналы, фрукты, лакомства, сигары, табакъ и другія произведенія тѣхъ мѣстностей, по которымъ быстро летятъ поѣзда. Такимъ мальчикомъ-продавцемъ (train-boy) сталъ и Эдиссонъ.

Умный, смышленный, онъ скоро освоился со всѣми тонкостями своего новаго ремесла и, завербовавъ себѣ нѣсколько помощниковъ, такого же возраста какъ и самъ онъ, сталъ во главѣ предпріятія и получилъ возможность употреблять часть заработковъ на покупку книгъ, а все свободное время учиться. Большую часть времени онъ проводилъ въ багажномъ фургонѣ, весь погруженный въ чтеніе, между тѣмъ какъ повѣренные старались сбывать какъ можно выгоднѣе его товаръ.

Въ числѣ приобрѣтенныхъ имъ книгъ, находилось одно серьезное сочиненіе по химіи, которое, несмотря на всѣ трудности понимать его для мало развитаго въ то время Эдиссона, тѣмъ не менѣе настолько заинтересовало его, что возбудило желаніе произвести лично нѣкоторые изъ химическихъ опытовъ надъ тѣми веществами, которыми не занимался авторъ ея, Фрезеніусъ.

Безъ замѣчательной энергіи и силы воли юнаго Эдиссона,

намѣреніе и осталось бы невыполнимой фантазіей, но онъ осуществилъ его немедленно, рѣшивъ устроить собственную лабораторію тутъ же на поѣздѣ, его единственномъ мѣстожительствѣ. Онъ занялъ уголь предоставленнаго въ его распоряженіе багажного фургона, служившаго ему магазиномъ для склада товаровъ, съ небольшой печкой, всевозможными ретортами, тиглями, солями и кислотами, употребивъ на это всё свои сбереженія, и одинъ безъ всякаго руководителя принялся за изученіе тѣхъ изслѣдованій, которыя составили вполнѣдствіи его славу. Въ началѣ, завѣдующій поѣздомъ, замѣтивъ эту оригинальную лабораторію, разсердился на Эдиссона и хотѣлъ прекратить его занятія, но Эдиссонъ упротсилъ его не препятствовать ему, и добившись согласія, предался изученію своей любимой науки.

Кромѣ того, онъ изучалъ по возможности устройство и дѣйствіе локомотивовъ и телеграфныхъ аппаратовъ. Въ кратковременныя остановки на станціяхъ, сдѣлавши всё необходимое для своей торговли закупки и отдавъ приказанія своимъ помощникамъ, онъ спѣшилъ на телеграфную станцію, гдѣ, наблюдая за дѣйствіемъ аппаратовъ, подробно разспрашивалъ служащихъ объ ихъ устройствахъ. Это повело его къ изученію физики и механики.

Живой, дѣятельный умъ Эдиссона не удовлетворился этими изслѣдованіями и онъ задумалъ расширить кругъ своей дѣятельности изданіемъ собственной газеты. Кто знаетъ американскіе нравы, тотъ не удивится что такая идея родилась у двѣнадцатилѣтняго мало-образованнаго мальчика. Въ Америкѣ журналистика развита болѣе нежели въ какой-нибудь другой странѣ свѣта. Начиная съ огромной газеты «New-York-Herald», издаваемой въ Нью-Йоркѣ выходящей три раза въ день, владѣющей собственной бумажной фабрикой, собственной словолитней и имѣющей даже собственный экстренный поѣздъ, который развозитъ нумера газеты отъ Атлантическаго до Тихаго океана. Каждый маленькій городокъ Америки, каждое село деревушка,

даже хижина поселенца имѣютъ свою собственную газету, въ которой говорится о мѣстныхъ интересахъ и вопросахъ дня.

Эдиссонъ, посѣщая типографіи, въ которыхъ запасался необходимыми для своей торговли газетами, заходилъ постоянно въ мастерскія, присматривался къ производимымъ тамъ работамъ, наблюдалъ, разспрашивалъ, просилъ объясненій, и самъ оказывалъ незначительныя услуги. Поэтому его всѣ и вездѣ встрѣчали привѣтливо. Такимъ способомъ онъ ознакомился съ тайнами типографіи.

Вскорѣ, въ одной знакомой типографіи онъ купилъ за безцѣнокъ старый шрифтъ и сложилъ въ своемъ фургонѣ. Затѣмъ приобрѣлъ различные необходимые для печатанія предметы и сталъ издавать собственную газету, основателемъ, редакторомъ, управляющимъ, составителемъ, корректоромъ, типографщикомъ и продавцемъ которой былъ онъ самъ. Эта газета получила названіе „Grand Trunk Herald“, отъ имени той желѣзной дороги, на которой она явилась и продавалась.

Газета выходила разъ въ недѣлю и распродалась очень успѣшно, а расходы на нее были ничтожны, такъ какъ Эдиссонъ, въ углу своего фургона, работалъ надъ нею одинъ. Извѣстная лондонская газета „Times“ упоминала о газетѣ продавца-мальчика, этой оригинальной „Grand Trunk Herald“, одинъ изъ номеровъ которой былъ привезенъ въ ея редакцію какимъ-то туристомъ.

Неожиданный успѣхъ подаль Эдиссону мысль заняться изданіемъ сатирической газеты въ Портъ-Гуронѣ, подъ названіемъ „Paul Pry“ т. е. „Нескромный Павелъ“. Всѣ, желавшіе быть сотрудниками этого листка принимались имъ охотно, но безъ вознагражденія за статьи. Статьи печатались безъ подписи авторовъ, по этому авторы не стѣснялись въ своихъ насмѣшкахъ надъ людьми и различными учрежденіями, и чѣмъ злѣе было содержаніе статей, тѣмъ успѣшнѣе расходился листокъ. Эдиссонъ былъ въ во-

сторгъ отъ своего новаго предпріятія, какъ неожиданное, непріятное происшествіе сразу охладило его страсть къ журналистикѣ.

Одинъ изъ жителей Портъ-Гуона, сильно осмѣянный въ „Paul Pry“, оказался не такъ терпѣливымъ какъ остальные обитатели мѣстечка; лишенный возможности отплатить автору статьи, онъ рѣшился выместить свою досаду на издатель ея, Эдиссонъ. Встрѣтивъ его на набережной, онъ бросился на него, схватилъ его за поясъ и галстухъ и спокойно швырнулъ въ воду. Къ счастью, журналистъ-издатель умѣлъ плавать и достигъ благополучно берега. Но съ этого дня „Paul Pry“ прекратилъ свое существованіе.

Не менѣе плачевенъ былъ конецъ и „Grand Trunk Herald'a“. Однажды, въ отсутствіе Эдиссона, одинъ изъ пугырьковъ съ фосфорной кислотой, небрежно поставленный на одну изъ полокъ фургона, упалъ, разбился и, воспламенившись, зажегъ полъ. Кондукторъ поѣзда, замѣтивъ выходящій изъ оконъ вагона дымъ, прибѣжалъ во-время и потушилъ начинавшійся пожаръ, а чтобы не повторился подобный случай, выбросилъ въ окно не только всѣ химическія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ типографскія принадлежности Эдиссона, а его самого строго наказалъ.

Эдиссонъ воспользовался двойнымъ урокомъ и рѣшилъ посвятить себя одной наукѣ.

Поѣздъ, на которомъ онъ занимался своими торговыми операціями, останавливался всегда на нѣсколько часовъ, въ городѣ Детруа. Эдиссонъ, получивъ неизвѣстно какимъ путемъ разрѣшеніе посѣщать тамошнюю городскую бібліотеку, проводилъ въ ней часы досуга, задавшись мыслью прочесть всѣ находившіяся въ ней книги и чтобы не пропустить ни одной изъ имѣвшихъ по его мнѣнію важное значеніе, онъ началъ съ первой книги нижней полки, имѣя въ виду перебрать ихъ всѣ. Библіотекаръ замѣтивъ, что мальчикъ убиваетъ напрасно время, читая, не пропуская ни одной страницы, огромные старинные фоліанты, недоступные его по-

ниманію, какъ „Анатомія меланхоліи“ Бьюртона, „Научный лексиконъ“ Юре и др., объяснилъ ему, что необходимо дѣлать выборъ въ чтеніи книгъ и останавливаться больше на современныхъ сочиненіяхъ, гдѣ сказано послѣднее открытіе науки. Эдиссонъ послушался опытнаго совѣта.

Такъ какъ въ Портъ-Гуронѣ не было публичной библіотеки, Эдиссонъ придумалъ примѣнять на практикѣ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія по телеграфной части. Обвивъ проволоками домъ своего отца, онъ устроилъ телеграфные столбы и всѣ необходимыя для передачи и полученія депешъ приборы, продолжалъ по прежнему свою продажу на желѣзной дорогѣ. Во время остановокъ поѣзда на станціи, отъ которой домъ его отца выходилъ въ двадцати минутахъ разстоянія, Эдиссонъ придумалъ оригинальный способъ, чтобы выгадать лишніхъ двадцать минутъ времени. Онъ насыпалъ напротивъ дома своего отца, у самага полотна желѣзной дороги, пропасть песку, и смѣло выскакивалъ на него изъ вагона, какъ поѣздъ мчался на всѣхъ парахъ и, благодаря своему хладнокровію, ловкости и силѣ, поднимался цѣль и невредимъ.

Наконецъ профессія продавца на желѣзной дорогѣ сдѣлалась для него невыносимой, отецъ посовѣтовалъ ему избрать какое нибудь ремесло. Онъ попробовалъ было сдѣлаться башмачникомъ, но механическій трудъ оказался не по немъ, перебравъ безуспѣшно нѣсколько ремеселъ, онъ снова возвращался къ своей мелкой торговлѣ журналами, фруктами и другими предметами по пути между Мичиганомъ и Канадой. Вдругъ одно неожиданное обстоятельство открыло ему доступъ къ иной, болѣе подходящей ему карьерѣ.

Однажды, находясь на платформѣ желѣзной дороги въ Портъ-Клементѣ, онъ увидалъ, метрахъ въ двадцати отъ быстро мчавшагося на всѣхъ парахъ поѣзда, маленькаго ребенка, безмятежно игравшаго на полотнѣ дороги. Эдиссонъ, понявъ страшную участь ожидающую малютку, бросился впередъ и, недумая о собственной жизни, быстро схватилъ

ребенка на руки, перескочилъ съ нимъ черезъ рельсы и упалъ по другую сторону пути, слегка задѣтый втулками машины, при шумныхъ рукоплесканіяхъ свидѣтелей этого геройскаго подвига.

Отецъ ребенка, начальникъ станціи Портъ-Клемента, видѣлъ издали опасность, которой подвергался ребенокъ, и неустрашимое самопожертвованіе его спасителя; онъ познакомился съ Эдиссономъ и желая вознаградить хотя чѣмъ нибудь его великодушный поступокъ, предложилъ заняться съ нимъ изученіемъ телеграфнаго искусства, которое могло доставить ему современемъ независимое положеніе.

Тогда Эдиссонъ оставилъ профессію продавца газетъ на желѣзной дорогѣ, о которой вспоминаетъ не только не стѣсняясь, но съ видимымъ удовольствіемъ, измѣряя вѣроятно то далекое разстояніе, которое отдѣляетъ въ настоящее время одинокаго, безпомощнаго мальчика, промышлявшаго изо дня въ день своимъ незначительнымъ товаромъ, съ тѣмъ чтобы употребить на свое образованіе ничтожные заработки, которые выпадали на его долю, отъ геніальнаго изобрѣтателя прославившаго себя во всемъ образованномъ мірѣ и тратящаго милліоны на свои научныя изслѣдованія.

Эдиссонъ скоро ознакомился съ телеграфнымъ искусствомъ, которое было ему хорошо извѣстно по прежнимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ. Вскорѣ представилась ему возможность заявить свою необычайную находчивость и быстроту соображенія.

Во время его пребыванія въ Портъ-Гуронѣ, напоръ льда разорвалъ телеграфный кабель, соединявшій Портъ-Гуронъ съ Сарніей, въ Канадѣ, это прекратило сношенія между двумя мѣстностями. Эдиссонъ рѣшилъ возстановить ихъ инымъ путемъ: онъ сѣлъ на паровозъ и, приблизивъ его по возможности къ берегу озера Гурона, началъ подавать сигналы съ помощью свистка, стараясь воспроизводить звуками условные телеграфные знаки, короткій,—

рѣзкій свистокъ означалъ точку, а продолжительный—черточку.

— Кто нибудь изъ Сарніи слышите меня?—просвисталъ онъ такимъ образомъ.

Отвѣта не послѣдовало.

Подождавъ немного, онъ сталъ повторять каждыя пять минутъ ту же самую фразу.

Эти непрестанные свистки возбудили наконецъ безпокойство въ жителяхъ противоположнаго берега, стали собираться любопытные, среди которыхъ находился одинъ изъ служащихъ при телеграфѣ; прислушавшись къ правильности передаваемыхъ звуковъ, онъ понялъ намѣреніе Эдиссона отвѣтить ему такимъ же способомъ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней депеши передавались посредствомъ не подводнаго, а воздушнаго, импровизированнаго телеграфа.

Эдиссонъ пріобрѣлъ съ тѣхъ поръ славу способнаго находчиваго юноши, но какъ служащій былъ плохъ. Вѣчно погруженный или въ чтеніе сильно заинтересовавшей его книги, или занятый изслѣдованіемъ какого-нибудь новаго опыта, который долженъ былъ повести къ улучшенію настоящаго способа передачи телеграммъ, или даже къ открытію инаго, еще никому невѣдомаго способа телеграфнаго сообщенія, онъ забывалъ о подаваемыхъ ему депешахъ, и онѣ скоплялись у него во множествѣ. Товарищи выводили его изъ глубокой задумчивости или отрывали отъ производимыхъ имъ работъ, напоминая о необходимости служебныхъ обязанностей, но, если ему приходилось оставаться одному, то его служебная дѣятельность прекращалась немедленно. Результаты бывали плачевны: не разъ начальство, потерявъ терпѣніе, отказывало ему отъ мѣста, и онъ шелъ искать счастья далѣе.

Такимъ образомъ, онъ объѣхалъ всю сѣверную Америку и Канаду—всюду его охотно принимали за способности и скоро отсылали за непростительную небрежность. Его оригинальныя приключенія передаются и теперь изъ устъ въ уста

во многихъ телеграфныхъ бюро: такъ въ Цинциннатѣ вмѣсто того, чтобы сидѣть на телеграфной станціи, онъ проводилъ все время въ публичной библіотекѣ. Въ Луизвиллѣ, будучи однажды ночью дежурнымъ, онъ принесъ съ собой большую бутылку, наполненную фосфорной кислотой, чтобы производить цѣлый рядъ опытовъ; къ несчастію, бутылка разбилась, жидкость проникла сквозь доски пола, прожгла мебель, всѣ счетныя книги и протоколы одной банкирской конторы, помѣщавшейся внизу.

Въ Стратфордѣ, въ Канадѣ, начальникъ Эдиссона, знавшій его неисправимую небрежность, отдалъ приказаніе, чтобы онъ во время своего ночнаго дежурства телеграфировалъ каждые полчаса одно и тоже слово на сосѣднюю станцію, Эдиссонъ устроилъ немедленно маленькій простой, но искусный приборъ, приводимый въ движеніе маятникомъ стѣнныхъ часовъ, который передавалъ вмѣсто него, каждые полчаса, требуемое слово, а онъ покойно предался своимъ занятіямъ. Въ эту ночь, онъ не передалъ ни одной депеши къ великому изумленію своего корреспондента, получавшаго неизмѣнно одно и тоже слово, черезъ извѣстные промежутки времени. Со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы, и изобрѣтательность Эдиссона повела къ тому, что ему отказали отъ мѣста.

Но онъ никогда не падалъ духомъ и охотно мѣнялъ старыя мѣста на новыя. Прибывъ въ 1864 г. въ Мемфисъ, ему пришла въ голову мысль о возможности отправки по одной и той же телеграфной проволоцѣ двухъ депешъ, въ противоположныя стороны и назвалъ это важное открытіе, послужившее основаніемъ его дальнѣйшимъ многочисленнымъ изобрѣтеніямъ, двойной системой. Большинство отнеслось къ ней съ недовѣріемъ; никто не хотѣлъ произвести даже необходимаго опыта, а творца ея готовы были считать за помѣшаннаго. Но онъ, вѣря въ дѣйствительность своего изобрѣтенія, не только не оскорблялся сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ насмѣшками, но мечталъ уже объ одновременной

передатѣ четырехъ депешъ, чего и достигъ впослѣдствіи, утверждая, что въ настоящее время онъ открылъ возможность передачи большого количества депешъ по одной и той же телеграфной проволоцѣ и по различнымъ направленіямъ.

Прибывъ въ Бостонъ, въ 1868 г., онъ имѣлъ возможность произвести опытъ надъ своей двойной системой, но непредвидѣнные препятствія помѣшали успѣху. Тогда почти безъ средствъ, раздраженный неудачей, но не теряя вѣры въ себя, онъ направился въ Нью-Йоркъ, тамъ его ожидалъ полный успѣхъ.

Эдиссону удалось оказать важную услугу обществу „Gold and Stock Company“ скорымъ исправленіемъ указателя, который оказался испорченнымъ именно въ то время, когда въ немъ была крайняя надобность, сверхъ того онъ предложилъ устроить при немъ его собственнаго изобрѣтенія приборъ, который печаталъ немедленно постепенное измѣненіе курса цѣнныхъ бумагъ. Это предложеніе было принято съ восторгомъ и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Телеграфное восточное общество предложило ему значительное пособіе для разработки его открытія двойной системы. Съ этихъ поръ, владѣя необходимыми средствами для произведенія различныхъ опытовъ, онъ удвоилъ свои занятія и въ непродолжительномъ времени получилъ множество привилегій за свои изобрѣтенія.

Такимъ образомъ, бывшій „train-boy“ сдѣлался въ короткое время независимымъ и богатымъ, но онъ не только не предавался роскоши и удовольствіямъ жизни, а сталъ употреблять всѣ приобрѣтаемыя имъ средства на новыя изобрѣтенія и продолжалъ вести прежній простой, скромный образъ жизни, не отличающійся ничѣмъ отъ обыденной жизни самаго незначительнаго служащаго. А между тѣмъ, онъ зарабатываетъ значительныя суммы денегъ, нѣкоторыя изъ его открытій доставили ему до 500,000 франковъ чистаго барыша, а за право показывать фонографъ, онъ получаетъ 2,500 франковъ въ недѣлю.

Единственная роскошь, на которую онъ не жалѣетъ ничего, это его великолѣпная лабораторія въ Менло-Паркѣ. Насколько Эдиссонъ увлекается своими занятіями—видно изъ нѣкоторыхъ оригинальныхъ случаевъ его жизни. Женившись на одной молодой дѣвушкѣ, по имени Маріи Стильуэлъ, работавшей на его собственной фабрикѣ, онъ по окончаніи свадебной церемоніи, на которой присутствовали свидѣтели и всѣ члены семейства Эдиссона и его жены, принявъ поздравленія, простился со всѣми, подаль руку своей молодой женѣ и ввелъ ее во владѣніе своимъ небольшимъ домикомъ, который и предоставилъ въ ея полное распоряженіе. Молодая женщина принялась немедленно, съ помощью служанки, приводить его въ надлежащій порядокъ и устраивать по своему вкусу, Эдиссонъ попросилъ позволенія оставить ее не надолго чтобы взглянуть на производимый имъ важный опытъ.

Приведя все въ порядокъ, она стала ожидать мужа, но проходили часы, а Эдиссонъ не возвращался. Встревоженная она стала плакать, думая не погибъ ли онъ въ своей лабораторіи, какъ вдругъ въ двѣнадцать часовъ ночи, раздался звонокъ и Эдиссонъ, веселый, довольный, вошелъ въ комнату и добродушно рассказалъ женѣ, что онъ былъ до того поглощенъ производимымъ имъ впервые опытомъ, дававшимъ еще небывалые блестящіе результаты, что не замѣтилъ ни времени, ни того какъ онъ зажегъ машинально газъ и освѣтилъ погружавшуюся во мракъ лабораторію и вѣроятно проработалъ бы до утра, если бы одинъ изъ его пріятелей, бывший свидѣтелемъ на его свадьбѣ, возвращаясь изъ театра, не замѣтилъ огня въ его лабораторіи и не зашелъ напомнить ему о позднемъ времени и о полномъ одиночествѣ его жены.

— Правда—я женился сегодня! Можно ли быть такъ разсѣяннымъ! воскликнулъ Эдиссонъ.

— Ты даже забылъ объ этомъ?! спросилъ тотъ съ недоумѣніемъ.

— Забылъ. Но ты не можешь себя представить какой замѣчательный опытъ я произвелъ сегодня.

Марія Эдиссонъ, зная страстное увлеченіе мужа наукой, простила ему эту небрежность. Вскорѣ она убѣдилась, что онъ забываетъ и о самомъ себѣ, нерѣдко онъ возвращался домой, вмѣсто обѣденнаго времени, на слѣдующій день утромъ, голодный, измученный усталостью, но неизмѣнно веселый и въ прекрасномъ расположеніи духа. Она поняла, что для Эдиссона наука и приобрѣтеніе знаній главный смыслъ жизни, главная цѣль стремленій, помирилась съ этимъ, цѣня въ немъ помимо всего прекраснаго человѣка и семьянина; она искренно любитъ своего мужа, супружеская жизнь ихъ можетъ быть названа вполне счастливой.

Эдиссоны имѣютъ двухъ дѣтей: мальчика и дѣвочку. По свойственной американцамъ оригинальности, онъ назвалъ перваго Dot, что значитъ по англійски точка, а вторую Dash, т. е. черточка, подтверждая этимъ свою любовь къ телеграфному искусству, такъ какъ эти два условныхъ знака употребляются при телеграфной корреспонденціи.

Вотъ чего воритъ объ Эдиссонѣ, какъ о человѣкѣ, одинъ молодой математикъ, сотрудникъ по производимымъ имъ работамъ.

„Я прибылъ въ Менло-Паркъ въ воскресенье. Остановившись на станціи и разспросивъ о дорогѣ въ Менло-Паркъ, я въ нѣсколько минутъ дошелъ до скромнаго загороднаго дома. На мой звонокъ въ дверяхъ показался молодой человѣкъ, просто одѣтый, съ волосами въ беспорядкѣ, съ оживленнымъ, веселымъ лицомъ—это былъ Эдиссонъ. Онъ принялъ меня въ высшей степени привѣтливо, ввелъ въ свой домъ, гдѣ представивъ своей женѣ и указывая на двухъ малютокъ, глядѣвшихъ съ любопытствомъ на неожиданно появившагося незнакомца, весело сказалъ:

— Мы поговоримъ съ вами о дѣлѣ завтра. Сегодня воскресный день, и у насъ прекращаются всякія работы и занятія, это день моего отдыха, я посвящаю его всецѣло

моимъ дѣтямъ. Вы застали насъ среди разгара сраженія, которое сейчасъ же возобновиться съ прежнимъ пыломъ и энергіей.

„Дѣйствительно, Dot и Dash скоро освоились со мной и снова заняли свои прежнія мѣста за диваномъ, отецъ дѣлалъ видъ, что желаетъ ихъ выбить изъ этой позиціи. Подушки, которыми вооружились дѣти, стараясь бросить ихъ съ наибольшей силой доступной ихъ маленькимъ рученкамъ, летѣли въ голову отца, и все покрывалось веселыми криками и звонкимъ, задушевнымъ смѣхомъ сражающихся, отецъ находилъ повидимому не менѣе дѣтей удовольствіе въ этой игрѣ. Все время послѣ обѣда было посвящено разнымъ играмъ, съ постояннымъ участіемъ Эдиссона“.

Въ воскресные дни, изобрѣтатель и ученый исчезалъ, уступая мѣсто любящему отцу. Гладко выбритый, съ свѣжимъ, добродушнымъ лицомъ Эдиссонъ такъ моложавъ на видъ, что его можно принять за старшаго брата своихъ дѣтей, въ играхъ съ которыми онъ увлекается не меньше ихъ.

Менло - Паркъ, это незначительная станція пенсильванской желѣзной дороги, часть разстоянія отъ Нью-Йорка. Мѣстность живописная, пропасть зелени и тишины. Тамъ Эдиссонъ выстроилъ почти на вершинѣ холма прямоугольный деревянный домъ, въ Америкѣ всѣ загородные дома строятся обыкновенно деревянные, въ тридцать пять метровъ длины и десять ширины, верхній этажъ съ балкономъ, обвитымъ полезными растеніями. Это его лабораторія. Жилое помѣщеніе находится въ нѣкоторомъ разстояніи.

Въ нижнемъ этажѣ этой громадной лабораторіи помѣщается паровая машина, распространяющая всюду свою двигательную силу. Тамъ же размѣщена великолѣпная коллекція всевозможныхъ инструментовъ, служащихъ ему для самыхъ разнообразныхъ работъ, затѣмъ, коллекція плановъ, рисунковъ и мастерская рисовальщиковъ.

Слѣдующій этажъ состоитъ изъ одной громадной комнаты—

лабораторіи хозяина. Тамъ проводитъ онъ весь день, работая до поздняго часа ночи, не рѣдко и до разсвѣта, тамъ принимаетъ и своихъ многочисленныхъ посѣтителей. Стѣны этого огромнаго помѣщенія заняты съ верху до низу полками, на которыхъ разставлены въ безчисленномъ количествѣ разнородные бутылки, стеклянки, флаконы, сосуды, вазы, бокалы, коробочки со всевозможными извѣстными веществами: минералами, металлами, солями, кислотами, различными свертками, мелкими инструментами и приборами, такъ что у Эдиссона всегда подъ рукой все необходимое для производства какой бы то ни было задуманной имъ работы. Въ одномъ изъ угловъ помѣщается печь съ широкимъ навѣсомъ, гдѣ постоянно горятъ лампы, назначеніе ихъ производить какъ можно болѣе копоти, собираемая сажа прессуется въ плитки и служить для различныхъ опытовъ и открытій, а также для устройства угольнаго круга въ телефонахъ. Эдиссонъ первый обратилъ вниманіе на то, что уголь обладаетъ свойствомъ необыкновенной воспримчивости и воспользовался имъ въ своихъ работахъ.

Огромные столы, разставленные на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, заняты электрическими батареями, электро-магнитами, приборами и снарядами самаго разнообразнаго вида и формы. На полу виднѣется множество различныхъ предметовъ, не нашедшихъ мѣста ни на столахъ, ни на полкахъ; а подъ потолкомъ проходятъ, перекрещиваясь въ разныхъ направленіяхъ, проволоки, прикрѣпленныя къ снарядамъ готовымъ ежеминутно дѣйствовать.

Въ этой гигантской лабораторіи работаетъ множество химиковъ, физиковъ, механиковъ и даже математиковъ, которые слѣдятъ за ходомъ какого-либо опыта, производимаго нерѣдко въ теченіи многихъ мѣсяцевъ. Менѣе выдающимся помощникамъ предоставлены болѣе простыя, первоначальныя работы.

Е. Григорова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТЕЛЕФОНЪ.

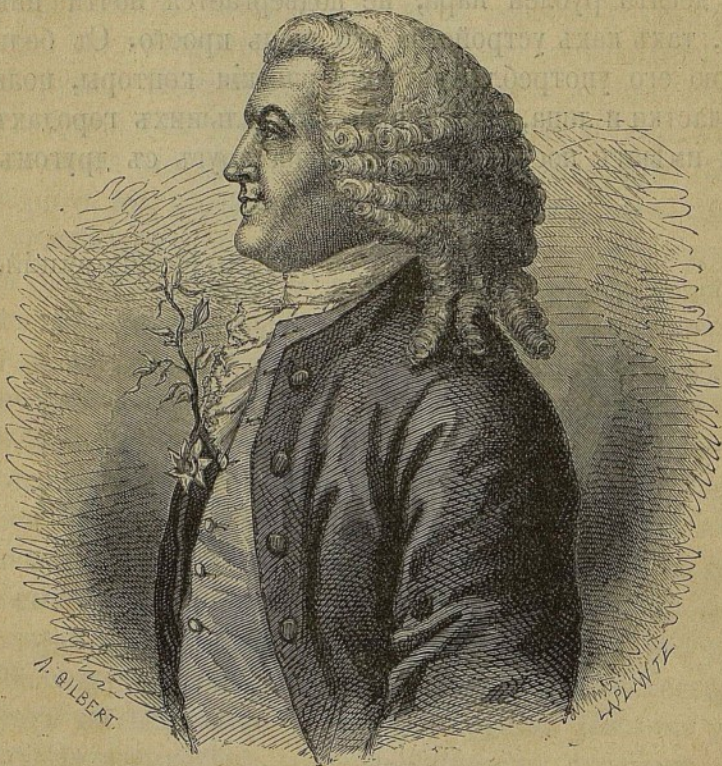
ТЕЛЕФОНЪ очень интересный приборъ и не выдумка, какъ думаютъ еще многіе, а дѣйствительное изобрѣтеніе, посредствомъ котораго можно передавать звуки, и въ томъ числѣ человѣческую рѣчь на очень далекое разстояніе. Передавать рѣчь на разстояніе вѣроятно знали еще древніе греки, священныя жрецы ихъ употребляли говорныя трубы чтобы возвѣщать чрезъ оракуловъ волю языческихъ боговъ. Такія трубы проводились къ отверстию рта идола и были скрыты; въ одинъ конецъ ихъ человекъ произносилъ то, что жрецы находили необходимымъ возвѣстить и казалось, что возвѣщаетъ истуканъ. Попросту это былъ обманъ. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, именно въ 1667 году, былъ извѣстенъ такъ называемый шнурковый телефонъ. Устройство этого прибора чрезвычайно просто, и каждый можетъ его устроить у себя дома. Возьмите двѣ коробки, въ родѣ тѣхъ, которыя отпускаютъ въ аптекахъ. Отбросьте ихъ крышки, сдѣлайте въ донышкахъ два отверстія иглой, въ которыя пропустите нитку, на ниткѣ дѣлаютъ узелокъ, такъ чтобы онъ держалъ ее изнутри. Также поступите и съ другой коробкой, введите въ ея донышко другой конецъ нитки. Нитка берется какой угодно длины, но не больше 250 аршинъ, дальше такой телефонъ перестаетъ дѣйствовать. Нитка должна быть толстая, бумажная. Укрѣпивъ оба конца

ея въ двухъ коробкахъ, разговаривающіе становятся въ двухъ отдаленныхъ одна отъ другой комнатахъ, если же опытъ производится на открытомъ воздухѣ, то становятся гдѣ хотятъ, такъ чтобы нитку можно было натянуть по одному прямому направленію и чтобы нитка она ни къ чему не прикасалась—и начать разговоръ. Тотъ, кто держитъ коробку у уха, ясно услышитъ, что говоритъ другой. Отчего это происходитъ, понять не трудно. Попробуйте говорить громко передъ фортепіанной струной и вы услышите, что она будетъ звучать, когда вы перестанете говорить. Такъ точно и въ телефонѣ. Когда вы говорите въ коробку, донышко ея начинаетъ сотрясаться, колебаться и передаетъ эти колебанія ниткѣ, которая съ свою очередь передаетъ ихъ донышку другой коробки. Если отъ извѣстныхъ звуковъ произошли извѣстные колебанія, то и на оборотъ отъ тѣхъ же колебаній получатся обратно звуки, которые ихъ произвели. Вотъ почему отъ перваго телефона передается рѣчь во второй. Но это игрушка, которая извѣстна уже болѣе 200 лѣтъ и теперь продается почти во всѣхъ игрушечныхъ магазинахъ. Онъ на далекое разстояніе не дѣйствуетъ. Телефонъ, у котораго донышко изъ пергаменту или пузыря, можетъ передавать звуки на 250 шаговъ. Совершенно другое изобрѣлъ въ 1876 году американецъ Грагамъ Белль. Его телефонъ дѣйствуетъ на нѣсколько десятковъ верстъ. Позднѣе американецъ Эдисонъ такъ усовершенствовалъ телефонъ, что онъ можетъ передавать звукъ на 1000 верстъ. Понять устройство телефона Белля, а тѣмъ болѣе телефона Эдисона, безъ знанія физики трудно, а потому и о его телефонѣ скажемъ только, что и въ этихъ телефонахъ причина передачи таже. Звукъ передается въ двухъ тоненькихъ пластинкахъ желѣза, которыя одинаково колеблются: одна оттого что передъ ней говорятъ, а другая—потому что принимаетъ колебанія первой посредствомъ особой силы, называемой электрическимъ токомъ, который проходитъ по проволокамъ соединяющимъ приборы.

Телефонъ очень полезное изобрѣтеніе. Въ Америкѣ, гдѣ телефонъ впервые былъ изобрѣтенъ, онъ въ большомъ употребленіи, тамъ уже распродано его болѣе 400 тысячъ паръ. Во Франціи, Англіи, Швейцаріи—ездѣ его примѣняютъ съ большою пользою. Онъ стоитъ недорого, у насъ въ Россіи около десяти рублей пара; не подвергается почти никакой портѣ, такъ какъ устройство его очень просто. Съ большою пользою его употребляютъ коммерческія конторы, полицейскіе участки и лица, находящіеся въ большихъ городахъ, которыя имѣютъ постоянныя сношенія другъ съ другомъ.

Петръ Волчанецкій.

Знаменитый шведскій ботаникъ Линней.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 января 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. № 11—2.